

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство образования Иркутской области
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Региональный научно-методический центр
«Основы российской государственности» СОУ
Лаборатория управления развитием образования
Комитета образования г. Читы

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ
X Всероссийской научной конференции
с международным участием
г. Иркутск, 17–18 апреля 2026 г.

ISBN 978-5-9624-2483-5

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство образования Иркутской области
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Региональный научно-методический центр
«Основы российской государственности» СФУ
Лаборатория управления развитием образования
Комитета образования г. Читы

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ
X Всероссийской научной конференции
с международным участием
г. Иркутск, 17–18 апреля 2026 г.

УДК 316(47)(063)
ББК С55.4/5л0
С69

Редакционная коллегия

О. Б. Истомина, д-р филос. наук, проф. (отв. ред.);
Е. О. Томских (отв. секретарь);
Т. Н. Лохтина, канд. экон. наук, доц.;
В. И. Метелица, канд. экон. наук, доц.

С69

Социальные процессы в современной России: проблемы и перспективы национального возрождения : материалы X Всероссийской научной конференции с международным участием. Иркутск, 17–18 апреля 2026 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. О. Б. Истомина]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2026. – 1 электронный оптический диск. – Заглавие с этикетки диска.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2483-5.2026.1-593>
ISBN 978-5-9624-2483-5

В материалах обсуждаются социальные проблемы современного российского общества, их сущность, объективные и субъективные факторы проявления, способы минимизации.

Social processes in modern Russia: problems and perspectives of national revival. Materials of the X All-Russian Scientific Conference with the International Participation / Sci. ed. O. B. Istomina. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2026.

In materials of a conference social problems of modern Russian society, their essence, objective and subjective factors of manifestation, ways of minimization are discussed.

УДК 316(47)(063)
ББК С55.4/5л0

УДК 82-344

В. И. Терентьев

Новосибирский государственный технический университет

КЯХТИНСКИЙ МИФ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БУРЯТИИ

Аннотация. Рассматривается городское пространство нетипичного пограничного сибирского города Кяхты (Троицкосавск) и его рецепция в конкретном произведении современной бурятской литературы. Исследование носит экспериментальный и инициативный характер, поскольку оно впервые гипотетически расширяет устоявшийся историко-краеведческий описательный нарратив Кяхты с опорой на известную концепцию В. Н. Топорова в качестве основного эмпирического материала анализируется рассказ современного бурятского писателя И. С. Сысуна, в котором в краткой и доступной художественной форме иллюстрируется целый комплекс тем и образов, наполняющих собой концептуализированный нами «кяхтинский миф» – многокомпонентное полисемантическое ядро, коллективное представление о Кяхте. Помимо конкретных дат и названий, относящихся к городу и региону, рассказ содержит в себе общепонятный контекст, в котором пересекается несколько тем, связанных с таможенной, границей, чаем, антирелигиозным движением, поимкой шпионов. Делается вывод, что анализ образов современной бурятской литературы позволяет приблизиться к осмыслению сложного и эклектичного этнокультурного пространства Кяхты.

Ключевые слова: Кяхта, Троицкосавск, миф, образ, текст, пространство, воображение, литература Бурятии, пограничье.

*«Странное место эта Кяхта... И люди странные.
И чай у них... особенный»*

И. С. Сысун. Рассказ «Дело №108. О нелегальном перемещении просветления через границу»

Город Кяхты (историческое название до 1934 г. – Троицкосавск) был основан в 1727 г. российским дипломатом сербского происхождения Саввой Лукичем Рагузинским-Владиславичем (1669–1738) в полупустынном месте, удаленном от крупных водных артерий, на территории, которая после этого становится границей двух империй: Российской и Цин. Изначально город, возникший как пограничный пункт, практически сразу получил свой статус торгового, а не военного поселения, что выделяет его на фоне большинства других сибирских городов. Определенная экзотичность этничности основателя города для рубежных населенных бурятскими кочевыми племенами забайкальских степей, ставшая неременным ресурсом современной манифестации городской идентичности (материальным доказательством служит памятник сербско-русскому дипломату у здания районной администрации, установленный в 2018 г.), само

порубежное состояние населенного пункта, мозаичный в прошлом этнокультурный состав населения города (русские, буряты, китайцы, монголы и множество представителей ряда других этнических общностей) – все это не могло не отразиться на эклектичной самобытности Кяхты-Троицкосавска.

Кяхта сегодня располагается на южной границе Республики Бурятия, в 220 км от столицы Улан-Удэ и практически вплотную примыкает к соседнему монгольскому городу Алтанбулаг. Кяхта – это всегда фронтир: еще не Восток, но уже не Запад, протуберанец европейской цивилизации в откровенно азиатских природных ландшафтах. Хотя в классическое до-революционное время город содержал преимущественно европейские черты в архитектуре и структуре городской планировки и застройки (в прошлом также это выразилось в стремлении к созданию комфортной городской среды), но благодаря местным языковым (бытование в XIX – нач. XX в. контактного языка – кяхтинского пиджина) и, повторимся, этническим особенностям, он воплощал собой преимущественно ориентальную Азию. Город застыл на пересечении трех миров: российского, бурятского и монгольского.

Примечательно, что перенос Многостороннего автомобильного пункта пропуска (МАПП) из южной части города с его исторического местоположения, окончательно оформившегося в годы активных русско-китайских торговых связей, не несколько сотен метров к востоку, а также строительство федеральной трассы, начинающейся от МАПП, в стороне и на возвышении от городской застройки словно законсервировало городское пространство. Федеральная трасса, возникшая из-за перемещения МАПП, получила объездной характер, а необходимость въезда в пространство городской застройки была исключена для всех попадающих в Россию из Монголии с юга. Кроме того, усиление пограничного режима в 2000–2010-е гг. привело к дополнительному паспортному контролю на подъезде к Кяхте с севера и условно-строгий запрет на проезд в город для тех, у кого в паспорте отсутствует местная прописка. Перечисленные обстоятельства сегодня приводят к тому, что в сознании горожан граница практически не присутствует в локусе населенного пункта и в его ландшафте, что дополнительно подтверждается исследованиями по составлению жителями Кяхты когнитивных карт своего города (см., например, [1, с. 61–63]). Тем не менее исторически это было далеко не так. Дополнительная пограничная идентичность города только утяжеляет многослойность образа Кяхты и всего кяхтинского мифа.

Кяхтинский миф – это многокомпонентное полисемантическое ядро, коллективное представление о Кяхте, включающее в себя основные

вневременные образы города, «разные Кяхты»: православную, буддийскую, купеческую, чайную, торговую, столичную, европейскую, китайскую, монгольскую, сербскую, декабристскую, революционную, военную, пограничную, таможенную и т. д. Отдельные составные кяхтинского мифа выражают в настоящее время открытую идентичность города. Материальные проявления этих компонентов видны невооруженным глазом. Они осознаются и воспринимаются в качестве таковых жителями города, в сознании которых данные образы занимают первенствующее место в ряду характеристик Кяхты. Преимущественно эти элементы связаны с дореволюционным периодом истории, его купечеством и тем мощным пластом наследия, который оставили известные на всю Россию и мир коммерсанты-миллионеры прошлого (Лушниковы, Немчиновы, Пахолковы, Вяткины, Кандинские, Собенниковы, Баснины, Старцевы, Сабашниковы и др.), озолотившие свои семьи и город благодаря чайной торговле – это их жилые дома, православные храмы и часовни, возводимые и поддерживаемые усилиями местных торговцев, прочие объекты городской инфраструктуры становятся основной визитной карточкой города.

В тени этих ярких образов и не менее ярких личностей остаются не только черты социалистического прошлого, что может показаться логичным в условиях поиска генеральной городской идентичности в наши дни, но также и массивный пласт православного наследия: духовная составляющая православного мирозерцания была размыта в эпоху недавнего атеистического прошлого, плоды которого в виде ревитализации сегментов бессистемного (т. е. осознанного неприятия какой бы то ни было одной религиозной системы) архаического и магического сознания встречаются в городе и окрестностях до сих пор [2, с. 194], а культовые сооружения – «памятники архитектуры» – воспринимаются нередко как отражение «былого величия» преимущественно в контексте купеческого дискурса с умалчиванием роли личностей священнослужителей и их вклада в развитие городской культуры. Причем игнорирование, отрицание и, порой, изживание, «кулачества», говоря соответствующим языком ушедшей эпохи, и его наследия были мощным элементом идеологического строительства именно в советские годы. Сегодня подобные знаковые ограничения отсутствуют. Тем не менее сложность увязки в единой исследовательской логике и последующего структурирования в одно повествование всего этнокультурного наследия Кяхты-Троицкосавска, накопленного им за последние три сотни лет, не позволяет выработать описательную модель, хотя бы отчасти имеющую претензию на системность. В представленной публикации предлагается один из вариантов решения этой задачи.

Теоретическая сторона нашего исследования базируется на фундаментальных работах российского филолога и культуролога В. Н. Топорова, посвященных петербургскому тексту в русской литературе [3, с. 259–367; 4]. Основанием для сопоставления Петербурга и Кяхты как семиотических единиц и вообще перспективы подобного сравнения является сама претензия на столичность, демонстрируемая кяхтинскими купцами-миллионерами через храмовую архитектуру и стремление к созданию комфортной городской среды в дореволюционном Троицкосавске. Пространственной доминантой южной части города (Кяхтинской торговой слободы) выступает знаменитый Воскресенский храм (1830–1838 гг.), выстроенный, по широко распространенному мнению, в «типично питерском стиле». Из других городских храмов также подчеркивает имперский столичный образ Троицкий собор (1812–1817 гг.) в центре города и утраченная в 1950 г. церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1862–1868 гг.), возведенная в русско-византийском стиле по образцовому проекту К. А. Тона.

По аналогии с ключевыми постройками широко известной концепции В. Н. Топорова гипотетически мы выделяем кяхтинский миф в качестве базовой оперативной единицы. Приблизиться к осмыслению сложного этнокультурного пространства Кяхты-Троицкосавска с некоторой долей вероятности можно в рамках художественного произведения. В связи с этим главный метод, избранный нами, сводится к мифопоэтическому и семиотическому анализу наиболее содержательного (в плане ощущения кяхтинского текста и его интерпретации) образца современной литературы Бурятии – рассказа И. С. Сысуна «Дело № 108. О нелегальном перемещении просветления через границу», опубликованном в прошлогоднем сентябрь-октябрьском номере литературно-художественного и общественно-политического журнала «Байкал» [5]. Наш опыт постоянного проживания в Кяхте с октября 2022 г. по февраль 2025 г., позволяет подтвердить и развить получаемые выводы путем привлечения классического этнографического метода включенного наблюдения.

Рассказ И. С. Сысуна композиционно отличается интертекстуальностью (модель «текст в тексте») и начинается с публикации рапорта старшего таможенного инспектора Жабьева, докладывающего о досмотре партии чая, ввозимого с территории МНР без сопроводительных документов. В январе 1937 г. с данным рапортом и иными документами из дела №108 (протоколом допроса, «неразборчивыми записями», заключением экспертизы по чаю, докладной запиской, другим рапортом), тексты которых встроены в рассказ, спустя год после «случая с контрабандой» знакомится главный герой (начальник погранпоста Петр Николаевич Сухомлинский), от лица которого ведется повествование. Встреча с чаем,

его распитие и беседа с сопровождавшим груз стариком-китайцем, отраженные в деле, запускают в действие странный механизм, составляющий основную канву повествования, в чем пытается разобраться капитан Сухомлинский или, говоря словами старика, «пытается найти заговор там, где есть только природа ума» [5, с. 84].

Характерной чертой этого «мистического инцидента» становится появление у некоторых персонажей способности писать на ранее не известном им языке (не то тибетском, не то санскрите), возникновение феномена автоматического письма, когда человек пишет, не осознавая этого, а также обрывочных фраз и странных символов как на бумаге, так и на чайных листьях.

Ознакомившись с материалами дела № 108, Петр Николаевич отправляется домой, где погружается в сон, в котором ему видится исчезнувший год назад «китаец-контрабандист», перевозивший чай. После внезапного пробуждения главного героя вызывают, поскольку из ниоткуда материализуется тот самый «контрабандист» Ван Минхуэй (или его двойник-последователь, поскольку в тексте есть некоторые сомнения Петра Николаевича по этому поводу [5, с. 84]). Вторая часть рассказа представляет собой диалог старика и Сухомлинского, в процессе которого капитан НКВД начинает переоценивать ситуацию и из «человека в форме» постепенно меняется в «человека, который начал пробуждаться» [5, с. 86]. Рассказ завершается рапортом помощника Сухомлинского в УНКВД Бурят-Монгольской АССР, извещающим об исчезновении Петра Николаевича.

Безусловно, в произведении И. С. Сысуна различимы буддийские коннотации, начиная с самого названия рассказа и дела: число «108» в буддизме насыщено многоаспектными символами и считается сакральным, а словом «просветление» в русскоязычной традиции обычно переводят абстрактную категорию *бодхи* – знание или «просветленный ум Будды». Также, помимо общебуддийского контекста, в рассказе содержится несколько смысловых тем, наполняющих собой кяхтинский миф: таможня/граница, чай, шпионы. О пограничном расположении города, чайной торговле, доходы от которой создали непередаваемый архитектурный ансамбль города, и о роли этих аспектов в генезисе кяхтинского мифа ранее уже говорилось. В этом ряду менее известные практика поимки шпионов, распространенная как в довоенное и послевоенное время, так и в наши дни. Благодаря местным жителям удавалось в свое время задерживать «немало нарушителей государственной границы» [6].

Точные годы (1936–1937 гг.), в которые разворачиваются действия рассказа, описание климата (выпадение аномального количества осадков

в обычно бесснежную зиму), конкретный кяхтинский годоним (ул. Пограничная), реальная историческая канва, связанная с антирелигиозной политикой и отслеживанием японских шпионов, намек на недружественность японцев добавляют реализма описываемым событиям. Сам по себе сложный разговор между капитаном и китайцем-буддистом – это разговор представителей двух разных культур на разных языках, который демонстрирует причину взаимного непонимания, которая кроется не в содержании, а в форме, которая «есть пустота» [5, с. 82].

Таким образом, осмысление Кяхты как текста и концептуализация кяхтинского мифа с опорой на отдельные образцы современной бурятской литературы дает возможность расширить традиционное историко-краеведческое описание города, порой не позволяющее уместить в рамках единой исследовательской логики анализ всей сложности, многогранности и многосоставности этнокультурного пространства города. Накопленное за три века наследие Кяхты-Троицкосавска крайне сложно поддается системному описанию из-за разнородности компонентов (православие, буддизм, советский атеизм, купечество, социалистическая индустриализация и др.). Предложенная мифопоэтическая модель и обращение к художественной литературе рассматриваются как способ обойти ограничения краеведческой концептуальной рамки и увязать в единое повествование разрозненные элементы городской идентичности.

Литература

1. Тимофеева Т. Н. Когнитивные карты города Кяхта // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 1. С. 53–64.
2. Терентьев В. И. Огласительная беседа на православном приходе: декларируемые ожидания и поликонфессиональная реальность // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2026. № 1. С. 186–200.
3. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс – Культура, 1995. С. 259–367.
4. Топоров В. Н. Петербургский текст. М. : Наука, 2009. 820 с.
5. Сьсун И. С. Дело № 108. О нелегальном перемещении просветления через границу // Байкал. 2025. № 5 (сентябрь – октябрь). С. 76–88.
6. Жительница поселка Наушки отметит вековой юбилей // Кяхтинские вести: газета МО «Кяхтинский район». 09.02.2022. URL: <https://khtvesti.com/articles/media/2022/2/9/zhitelnitsa-posyolka-naushki-otmetit-vekovoj-yubilej/> (дата обращения: 15.03.2026).

THE KYAKHT MYTH IN CONTEMPORARY LITERATURE OF BURYATIA

Abstract. The article examines atypical Siberian border town Kyakhta's (Troitskosavsk) urban space and its reception in a separate work of contemporary Buryat literature. The research is experimental in nature: for the first time, it expands the established historical and local narrative of Kyakhta. The story of the contemporary Buryat writer I. S. Sysun is analyzed as the main empirical material. This story illustrates in a concise and accessible artistic form a whole range of themes and images that fill a multicomponent polysemantic core, a collective idea of Kyakhta, that is the «Kyakhta myth». In addition to specific dates and names associated with the city, the story contains a general Buddhist context in which several topics related to customs, the border, tea, the anti-religious movement, and the capture

of spies intersect. It is concluded that the sample analysis of contemporary Buryat literature allows us to come closer to understanding the complex and eclectic ethnocultural space of Kyakhta.

Keywords: Kyakhta, Troitskosavsk, myth, image, text, space, imagination, literature of Buryatia, borderland.

Терентьев Владислав Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, e-mail: vlad33@bk.ru

Terentyev Vladislav Igorevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Political Science at Novosibirsk State Technical University, e-mail: vlad33@bk.ru

УДК 37.014

М. А. Хамроева

Новосибирский государственный педагогический университет

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. Анализируется влияние образовательного пространства на процессы межкультурной коммуникации между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. Рассмотрены ключевые механизмы взаимодействия: филиалы российских вузов в Узбекистане, программы двойных дипломов и обменов, студенческая мобильность, двуязычное образование и совместные научно-исследовательские проекты. Показано, что образовательное сотрудничество способствует формированию профессиональных сетей, росту межкультурной компетентности и развитию, но сопровождается проблемами признания квалификаций, языковыми барьерами и недостаточной координацией финансирования.

Ключевые слова: образовательное пространство, межкультурная коммуникация, студенческая мобильность, филиалы вузов, Россия, Узбекистан, международное сотрудничество.

Актуальность исследования определяется углублением академических и научно-образовательных связей между Россией и Узбекистаном в XXI в.: открытием филиалов российских вузов, расширением программ академической мобильности, ростом совместных магистерских и докторских программ. Образовательное пространство выступает платформой не только для передачи знаний, но и для социальных и культурных взаимодействий, что делает его важным фактором межкультурной коммуникации. Цель статьи – системно охарактеризовать механизмы взаимодействия образовательных систем РФ и РУз и оценить их вклад в развитие межкультурной компетентности и интеграции.